В этот день в Семье Хань царило небывалое оживление — на праздник пригласили почти всю деревню. Говоря «почти», я имею в виду лишь то, что Цзин Аосюэ приглашения не получала.

Она пришла без приглашения. Отец и сын из местных жителей, что шли следом за ней, выглядели крайне неловко, однако сама Цзин Аосюэ держалась непринужденно и с любопытством оглядывалась по сторонам.

Люди здесь сновали туда-сюда, как на шумном сельском базаре, что обычно устраивали по первым и пятнадцатым числам месяца. Но если присмотреться, разница была очевидна: каждый гость, пришедший в дом, держал в руках подарок. Цзин Аосюэ же явилась с пустыми руками, лишь с маленькой девочкой трех-четырех лет, семенившей за ней, — на фоне остальных гостей, пришедших целыми семьями, она почти не выделялась.

Посмотрев по сторонам, Цзин Аосюэ заскучала. Она обвела взглядом усадьбу и не удержалась от насмешливой усмешки. Семья Хань всегда была нищей, и хотя они попытались приукрасить жилище на серебро, полученное от прежней владелицы тела, общая запущенность и скудость всё равно проглядывали отовсюду.

Старый господин Хань пригласил слишком много людей, и места во внутреннем дворе на всех не хватило, поэтому снаружи расчистили площадку для сельских жителей — типичное хвастовство, когда человек пытается казаться важнее, чем есть на самом деле. К счастью, домочадцы Семьи Хань отгородили столы тканевыми занавесками, иначе гостям пришлось бы глотать пыль, поднятую толпой.

Те двое сельских жителей заняли места за столом на этой площадке, где их лично встречал Второй господин Хань. Приняв подношение, он незаметно взвесил его в руке, остался доволен весом, и его улыбка стала куда дружелюбнее. Однако, дойдя до Цзин Аосюэ, он не сразу узнал в ней Цзин Яжэнь. Заметив, что у той в руках ничего нет, он помрачнел, решив, что она пришла поесть на халяву, и без лишних слов попытался выставить её прочь.

Цзин Аосюэ толкнули, но она даже не покачнулась. Она была из тех, кто не прощает ни малейшей обиды, и всегда возвращала долги с лихвой. Она в ответ толкнула Второго господина Хань. Движение казалось легким и изящным, но грузного мужчину отбросило на несколько шагов назад. Если бы кто-то вовремя не подхватил его, он бы позорно растянулся на земле.

Это окончательно разъярило Второго господина Хань. Поняв, что Цзин Аосюэ явилась сюда явно с целью устроить скандал, он помрачнел и прорычал:

— Ты кто такая? Что тебе здесь нужно?

Цзин Аосюэ стало смешно. Эта семейка Хань, жившая на средства, отобранные у прежней владелицы, даже не удосужилась запомнить, как та выглядела. Ей не хотелось тратить время на пустые разговоры — аромат еды, доносившийся со двора, полностью захватил её внимание, а она была чертовски голодна.

Она присела, подхватила на руки Цзин Люэр, и та, не успев даже ничего понять, оказалась внесена прямиком в главные ворота усадьбы.

Шум поднялся немалый. Гости обернулись поглазеть на представление, и остальные домочадцы Семьи Хань, занятые приемом, замерли на месте. К Цзин Аосюэ подошла полная женщина средних лет с очень знакомым лицом. Она одарила Цзин Аосюэ добродушной улыбкой, но на деле преградила ей путь.

Цзин Аосюэ прищурилась. Она узнала эту женщину — прежняя хозяйка тела встречалась с ней не раз. Ученый Хань, будучи человеком образованным, на самом деле тяготился вниманием домогавшейся его женщины. И каждый раз, когда его гнев достигал предела и он хотел порвать с ней все связи, эта дама появлялась из ниоткуда, слегка журила Ученого Хань для вида, а потом начинала плакаться о бедности перед самой Цзин Яжэнь. Прежняя владелица тела презирала простых смертных, но ради Ученого Хань каждый раз без раздумий расставалась с деньгами. Можно сказать, что Ученый Хань был наживкой, а настоящей выгодой для Семьи Хань занималась именно эта женщина — Вторая госпожа Хань.

Цзин Аосюэ прекрасно знала её методы. Вторая госпожа Хань всегда считала прежнюю владелицу тела богатой простушкой. Но времена изменились: её племянник стал ученым, и Семья Хань была на пороге процветания. Она не могла позволить какой-то там Цзин Аосюэ всё испортить.

Скрывая раздражение, Вторая госпожа Хань проговорила:

— О, Цзин Яжэнь, я слышала, ты тяжело больна, врачи говорили, что тебе недолго осталось. Я как раз собиралась завтра наведаться к тебе в город, как же ты здесь оказалась?

Слова её были ядовиты. На самом деле она глубоко сожалела, что Цзин Аосюэ не подохла в постели — тогда бы сегодняшних проблем не возникло.

Цзин Аосюэ холодно взглянула на неё и с усмешкой ответила:

— Второй госпоже Хань не стоит так церемониться, называйте меня, как и прежде, племянницей. Я прослышала, что Ученый Хань сдал экзамены, вот и притащила свое больное тело, чтобы поздравить его лично. Мы с Ученым Хань знакомы много лет, наши отношения — вещь особая, так что, думаю, Вторая госпожа Хань не станет винить меня за то, что я пришла без приглашения и без подарков.

Вторая госпожа Хань едва не сломала зубы от ярости. Каждое слово Цзин Аосюэ содержало слишком много намеков, а тон был донельзя двусмысленным. Ей так хотелось перед всеми откреститься от связей между Цзин Аосюэ и Ученым Хань, но та оказалась настолько бесстыдной, что выложила всё прямо при гостях.

Среди собравшихся было немало людей, которые уже слышали о том, как Цзин Яжэнь бегает за Ученым Хань. Раньше они думали, что это лишь односторонняя страсть, но, видя, как фамильярно Цзин Аосюэ общается со Второй госпожой Хань, они невольно призадумались: а

вдруг и Ученый Хань питает к ней чувства?

Эти мысли отразились на их лицах, и взгляды, которые они бросали на членов Семьи Хань, заметно изменились. Вторая госпожа Хань была в ярости. Она хотела выгнать непрошеную гостью, но та несла такую околесицу, а поскольку самого Ученого Хань поблизости не было, опровергнуть эти сплетни она не могла.

В сердцах топнув ногой, она осталась ни с чем, а Цзин Аосюэ, обойдя её, переступила порог и вошла внутрь усадьбы.

Здесь гостей было гораздо меньше — видимо, сюда Семья Хань пригласила самых высокопоставленных лиц. Столы в глубине двора все еще пустовали, зато угощения на них были самыми лучшими. Должно быть, они предназначались для очень важных особ. И это было даже к лучшему. Пока Семья Хань дорожит своей репутацией, она не уйдет отсюда с пустыми руками.Надо знать: мягкие боятся твердых, твердые боятся свирепых, а свирепые — отчаянных. В этом плане она, столько лет лизавшая лезвие ножа в эпоху апокалипсиса, уж точно не испугается семейки снулых книгочеев.

Она без всяких церемоний уселась прямо за самый большой стол и с загоревшимися глазами уставилась на батарею отличного вина и блюд. Она и припомнить не могла, когда в последний раз видела столько вкусной еды — кажется, несколько лет назад.

После наступления апокалипсиса флора и фауна мутировали: хотя в лабораториях и создали что-то съедобное, вкус оставлял желать лучшего, проще было глотать питательные растворы.

А поскольку она ужасно проголодалась, то, никого не слушая, тут же взяла палочки для еды и принялась за угощение.

Откусив пару раз, она вспомнила, что на груди у нее привязана малышка. Она оторвала куриную ножку от целой тушеной курицы, сунула в ручку девочке и произнесла: — Ешь, это ведь хорошая вещь.

Цзин Люэр остолбенело сжимала куриную ножку и смотрела, как мать жадно уплетает еду. Она тоже сглотнула слюну, вот только у нее не было такой уверенности в себе, как у Цзин Аосюэ.

Она-то прекрасно видела: вокруг глазеет полно народу, а несколько людей из семьи Хань и вовсе недобро смотрят на них.

От таких взглядов у нее сердце ушло в пятки. Девочка испуганно зашевелила губами и тихонько позвала: «Мама», но в ответ получила лишь зажатый в зубах кусочек жареной свиной рульки вперемешку с мелко нарезанным мясом.

Она замерла и автоматически зашевелила челюстями: м-м-м… как вкусно.

Мать с дочерью полностью погрузились в мир кулинарного блаженства, пока к ним не подошли несколько дюжих молодцов в аккуратной одежде. Не говоря ни слова, они просто перевернули стол, и только тогда Цзин Аосюэ вытерла рот и подняла голову.

Ее взгляд, острый, словно пропитанный смертельным ядом клинок, заставил молодцов,

пришедших устроить взбучку, покрыться мурашками. Они никак не ожидали, что с виду долговязый и худощавый Цзин Яжэнь обладает таким свирепым взглядом.

Цзин Аосюэ бросила взгляд на валявшуюся на земле еду и ледяным тоном произнесла: — Смеете переводить продукты — сдохните все!

Она поддела носком туфли валявшиеся на полу палочки, и те под действием ее силы полетели в стоявшего ближе всех здоровяка, вонзившись прямо ему в бедро. Здоровяк завопил от боли на всю округу.

Остальные растерялись, не понимая, какими фокусами она воспользовалась.

Цзин Аосюэ хранила бесстрастное выражение лица. Ее уровень культивации откатился назад, но сноровка — нет. Даже при том, что это тело оставалось довольно слабым, она могла с легкостью разобраться с горсткой противников перед ней.

Она опустила малышку на землю, подняла стоявшую сбоку скамью, засучила рукава и со всего размаху обрушила ее на здоровяка, который от неожиданности застыл на месте. Тотчас же голова крепыша оказалась разбита, и брызнула кровь.

В мгновение ока двое товарищей были ранены, и остальные молодцы наконец пришли в себя.ъ С яростью они бросились на нее толпой. Она холодно усмехнулась, сосредоточив способность на кончиках пальцев, и гибким движением уклонилась от всех атак.

Пользуясь моментом, она точечно ударила их по меридианам, и противники тут же обмякли, превратившись в бесформенные куски грязи.

Всего за несколько мгновений она уложила всех до единого. Столь стремительные и четкие приемы напугали и семью Хань, и зевак-гостей.

Она снова присела на корточки: сказывалась привычка после убийства зомби вскрывать черепную коробку в поисках ядра. Однако сейчас она находилась в мирном ином мире, и убийство людей могло повлечь за собой немало хлопот. Про себя она посчитала это досадным, но какую-то компенсацию взять все же стоило.

И тогда она принялась по очереди обыскивать этих лишенных сил амбалов. Раз уж эти люди были наняты семьей Хань в качестве вышибал, звонкой монетой в их карманах наверняка не обделили.

Обыскав всех до последнего, она разжилась несколькими кошельками и серебряными билетами — в сумме набралось около сотни лянов. Не удержавшись, она тихонько присвистнула: неплохая прибавка к счету.

Она улыбнулась и бросила тем напуганным здоровякам: — Добро пожаловать снова, если захотите потренироваться. Только не забудьте захватить побольше серебра.

Здоровякам очень хотелось помотать головой. Они до смерти испугались Цзин Аосюэ, но как назло, их тела наотрез отказывались слушаться, иначе они бы уже давно бежали из усадьбы Хань, теряя тапки.

Они вовсе не были местными жителями, а изначально подвизались вышибалами в игорном доме, куда их пригласили члены семьи Хань для поддержания авторитета.

Их главарь водил знакомство с семьей Хань, а поскольку в игорном доме выдалось затишье, они прельстились перспективой от души наесться и напиться. С самого утра, переодевшись в чистое, они заявились сюда.

Заранее набив животы, они отдыхали, прислонившись к фруктовым деревьям в задней части усадьбы, как вдруг пришла Вторая госпожа Хань и позвала их разобраться с каким-то халявщиком — тощим Цзин Яжэнем.

Как раз маячась от безделья и услышав, что можно будет помахать кулаками, они с радостью ухватились за предложение и, не раздумывая, согласились.

Кто же знал, что с виду хрупкий и слабый Цзин Яжэнь окажется настолько чудовищно сильным? Они едва не скончались от страха перед этим демоном разрушения.

Неизвестно, какими странными фокусами воспользовалась эта девчонка, но теперь их тела были совершенно бессильны, и даже отрасти они ноги, сбежать не получилось бы.

Когда она только что их обыскивала, ее руки казались скользкими змеями: кожи она вроде бы и не касалась, но от этого пронизывающего прикосновения по телу шла жуткая, пробирающая до костей боль. Боль и пережитый ужас были таковы, что холодный пот насквозь промочил их спины.

Услышав последние слова Цзин Аосюэ, они исполнились горького раскаяния, а к пригласившим их людям из семьи Хань теперь питали лишь жгучую обиду и ненависть.

Главарь же банды испытывал самый настоящий ужас. Когда-то он был проводником караванов, исходившим вдоль и поперек чужие края, и повидал на своем веку немало крутых поворотов судьбы. Хотя его боевые навыки и не считались первыми в преступном мире, они были весьма неплохи — иначе игорный дом вряд ли доверил бы ему верховодить вышибалами.

Ему доводилось встречать немало грозных мастеров, но он никогда еще не видел столь сильного человека, как Цзин Аосюэ. Ее движения были сухими и четкими, каждое движение несло смертельную угрозу, и если бы она не сдерживалась намеренно, они бы уже давно отправились на тот свет.

Впрочем, даже это не повергло бы его в такой панический страх. По-настоящему пугающим был взгляд этой женщины — взгляд того, кто действительно прошел сквозь кровавую бойню.

Пока она избивала их в одни ворота, в ее глазах мерцал дикий, хищный огонек, словно она наслаждалась этой бойней, а вид крови и смерти был для нее привычным делом.

У живых людей не бывает таких глаз. Он знал многих военачальников, ушедших в отставку после войн, но даже убивая врагов, те сохраняли человеческое тепло. В глазах же этого человека не было ничего подобного: глядя на них, она видела лишь мертвецов.

До чего же жутко! Кто же этот Цзин Яжэнь на самом деле?

С такой беспощадностью и безупречной техникой боя она явно была далеко не простой птицей.

http://bllate.org/book/32046/3912708